

СООТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Д. С. Воробьева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vorobyova1810@gmail.com;

науч. рук. – О. В. Зуева, канд. филол. наук, доц.

Цель исследования – выявление черт церковно-религиозного стиля русского литературного языка первой трети XIX в. на уровне глагольного употребления. Объект исследования – глагольные лексемы в автобиографических и эпистолярных духовных текстах названного периода. Анализ соотношения глагольных форм в выбранных произведениях позволяет выявить глубинные, сущностные характеристики исследуемого стиля. Актуальность исследования связана с обращением к вопросам функциональной грамматики на диахроническом материале. В работе впервые проводится количественный анализ соотношения глагольных форм в сочинениях духовной прозы первой трети XIX в.; результаты сопоставляются с лексико-грамматическими характеристиками современного церковно-религиозного стиля. Полученные данные позволяют сделать выводы относительно эволюции церковно-религиозного стиля. Результаты исследования могут быть включены в практику преподавания курсов «История русского литературного языка», «Стилистика русского языка».

Ключевые слова: русский язык; церковно-религиозный стиль; духовная проза; глагол; время; наклонение; архаичные формы.

Теория современного церковно-религиозного стиля разработана по объективным причинам не настолько детально, как теории других функциональных стилей, однако его лексические и грамматические черты уже определены лингвистами. Что касается глагольного употребления, то в этом аспекте наибольшее сходство у церковно-религиозного стиля обнаруживается с публицистическим стилем. Это связано с одной из главных функций обоих стилей – воздействующей (тексты, как правило, нацелены на убеждение адресата в истинности христианского видения мира и необходимости соблюдения божьих заповедей); в текстах часто употребляются формы повелительного наклонения глагола. При этом «долженствующе-предписывающий характер изложения в форме категорического императива Ц.-р. с. не свойственен» [1, с. 614]. Характерной чертой стиля является «частое употребление глаголов в настоящем времени, поскольку религия говорит о «вечных истинах» [2, с. 193]. Также часто употребляются глаголы в инфинитиве, причастия и деепричастия, пассивные конструкции, что отвечает книжному характеру стиля. Наиболее специфическая особенность церковно-религиозного стиля – использование архаичных морфологических форм.

Применимы ли те же характеристики к церковно-религиозному стилю первой трети XIX в.? Количественный анализ глагольного употребления в текстах духовной прозы названного периода позволяет ответить на этот вопрос и сделать обобщения относительно эволюции стиля. Для анализа нами были выбраны следующие источники: «Житие и страдания отца и монаха Авеля» (составлено предположительно им самим в 1820-х гг. XIX в.), «Автобиография архимандрита Фотия» (написана в 1830–1833 гг.); эти тексты опубликованы в журнале «Русская старина» за 1875, 1894, 1895 гг.

Подсчет форм был произведен на наиболее информативных начальных фрагментах произведений (включающих в себя не менее ста глагольных словоупотреблений). Чтение текстов не выявило «переключения» грамматических кодов, что позволило нам экстраполировать результаты анализа фрагментов на тексты в полном объеме.

Наиболее распространенными глагольными формами в Житии и страдании отца и монаха Авеля являются современные формы прошедшего времени с суффиксом *-л-*. В процентном соотношении ко всем другим имеющимся глагольным формам – 33 %. Второе место по распространенности занимает аорист – 15 %. Небольшая доля принадлежит имперфекту – 2 %. Еще меньший процент форм перфекта (1%). В целом, формы прошедшего времени составляют в количественном отношении половину из всего многообразия глагольных форм, что закономерно происходит из самой природы жанра. Духовная автобиография, как и любой другой вид мемуарной прозы, нацелена, прежде всего, на описание событий прошлого. Преобладание аориста над другими грамматическими архаизмами, вероятно, связано с тем, что аорист, как наиболее распространенная форма прошедшего времени в древнерусских летописях и житиях, глубоко укоренен в сознании автора – продолжателя средневековой книжной традиции.

Формы настоящего времени встречаются в тексте крайне редко (1 %). Будущее время представлено в значительно большем объеме (9 %). Такое соотношение объяснимо мировоззренческими установками автора: события жизни главного героя, соотносящегося с житийным образом святого, рассматриваются *sub specie aeternitatis*: *дух его обновится, и душа его изобразится яко Ангел и яко Архангел*.

В житии часто встречаются контексты, передающие коммуникацию между земным и небесным мирами, которая осуществляется в форме молитвы, направленной к Господу (*Господи помилуй и не введи меня во искушение выше силы моея*), или в форме обращения высших сил к святому: *буди ты новый Адам, и древни отец Дадамей, и напиши яже видел еси: и скажи яже слышал еси*. Отсюда – распространенность форм по-

велятельного наклонения – 9 % с соотношением императива и оптатива 2 : 1. Формы сослагательного наклонения встречаются в тексте лишь несколько раз.

Книжному характеру стиля повествования соответствует достаточно высокая частотность причастий (9 %) и деепричастий (9 %). Примечательно то, что доля страдательных причастий значительно (в восемь раз) превышает долю действительных. Частое использование страдательного залога (*так о ему велено действием (той силы), сосуд, который на то уготован еще издревле*) соотносится с тенденцией к употреблению пассивных конструкций в текстах современного церковно-религиозного стиля. Следует упомянуть о том, что абсолютное большинство имеющих в тексте страдательных причастий – это формы совершенного вида (*написано, отправлен, уготован, велено, исполнен*). Их частая повторяемость усиливает ощущение торжественной строгости повествования. Подобные формы – стативы – широко использовались в духовных автобиографиях XVIII–XIX веков для описания событий, имеющих духовный смысл. Значительна доля инфинитивов (14 %) в тексте, однако примеров их употребления в императивной семантике не обнаружено.

Как и в «Житии...», в автобиографии Фотия большую часть глагольных форм составляют формы прошедшего времени. При этом архаичные формы представлены аористом (в единичных случаях – перфектом) и занимают незначительную долю (3 %) в соотношении с современными формами прошедшего времени (43 %).

В гораздо большем объеме по сравнению с житием представлены формы настоящего времени (8 %). В основном их употребление связано с передачей прямых и косвенных вопросов персонажей: *Кто раждает и может прямо смотреть в солнце очами? Слышав же тогда тетка Мария плюнула на сии слова хульные жены сея, дерзкая и рекла: что ты суесловишь?* Особого внимания заслуживает тот факт, что в тексте встречаются примеры так называемого настоящего исторического, используемого автором для актуализации событий прошлого: *и плач бысть общий великий в дому по умершем, и никто ее не видит нигде.*

В приблизительно одинаковом количестве представлены формы будущего времени и формы повелительного наклонения (5 %).

Еще раз подчеркнем архаичность императивных и оптативных форм, используемых при описании трагической или патетических моментов (*буди после меня утешение отцу твоему во временном житии, да осенит меня сила Вышняго на всякое дело благое*). Интересным представляется пример составной формы будущего времени: *сей младенец имеет вскоре умерети* (явный пример архаизации: подобные формы употреблялись до XVI в.).

Значительную долю от всех глагольных форм в тексте составляют деепричастия (8 %). Наибольший процент после форм прошедшего времени принадлежит причастиям (9 % составляют действительные причастия и 8 % – страдательные). Следует упомянуть о наличии переходных от устаревшего причастия к деепричастию форм, что также является примером намеренной архаизации (*хотела тако висяще помощь сделать, родился от утробы матери младенец, изшед из нея*). Еще одна яркая отличительная черта рассматриваемого текста – широкое использование субстантивированных причастий (*под видом крайняя печали по умершем, поминовение сродникам всем в том же доме и знаемым*).

11 % от всех имеющихся глагольных форм составляют инфинитивы.

Церковно-религиозный стиль русского языка, отраженный в духовной прозе первой трети XIX в., характеризуется многообразием всех возможных форм глагола. В проанализированных текстах представлены глагольные формы всех времен и наклонений. Как и в художественном повествовании, возможна транспозиция временных форм глагола. Наиболее яркими чертами стиля в целом являются частотность императивов и оптативов, особое положение форм будущего времени, широкое использование причастий (главным образом страдательных) и деепричастий.

Грамматические архаизмы встречаются в каждой из разновидностей форм глагола. Нет какой-либо определенной категории, представленной только устаревшими формами или только современными формами. Иными словами, современные и архаичные для того периода формы сосуществуют. Особенно важно подчеркнуть такие качества церковно-религиозного стиля «пушкинской эпохи», как книжность и патетичность, сближающие его понятием «высокий штиль» (актуальным в тот период бурного становления национального литературного языка для «архаистов», приверженцев «церковно-книжной» традиции). Для современного церковно-религиозного стиля названные качества характерны в гораздо меньшей степени.

Библиографические ссылки

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта ; Наука, 2006.
2. Стаценко А. С., Холодионова С. И. Языковые особенности религиозного стиля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 8–1. С. 190–194.
3. Житие и страдание отца и монаха Авеля // Русская старина: ежемесячное историческое издание. Санкт-Петербург, 1886. С. 416–435.
4. Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина: ежемесячное историческое издание. Санкт-Петербург, 1894. С. 127–142.